

К. 78

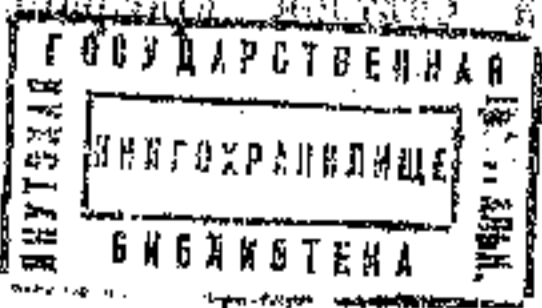
ВЪ ПРИМОРСКОМЪ КРАѢ

ВОСПОМИНАНІЯ С. П. ВОНДАКОВА.

Въ 1887 году я былъ командированъ въ г. Гвинею Приморской области по Высочайшему повелѣнію для розыска и поданія помощи экипажу шхуны „Алеутъ“. Починная изъ С.-Петербурга отъ 30 ноября за № 4925 до Иркутска; телеграмма и доставленная въ Якутскъ особымъ курьеромъ 10 декабря гласила такъ: „Военная шхуна „Алеутъ“ командиромъ 7 офицеровъ, 63 матроса вынужена на крейсерство изъ Владивостока въ Берингово море за арктикъ. Срокъ 15 октября. Имѣетъ продовольствіе до 28 ноября. Видѣн 10 октября китобой „Алеутъ“ идущимъ въ бухту Провиденія“.

Въ Гвинею я долженъ былъ записаться продолжателемъ для шхуны и вхать чрезъ сед. Маркова въ устье реки Анадыря и по берегу до пролива Лажнева (Верингова).

Выѣхавъ изъ Якутска 12 декабря, я вступилъ въ предѣлы Приморской области 17 числа и путь по округамъ Охотскому, Гижигинскому и Анадырскому этой области мнѣ пришлось совершить при исключительныхъ условіяхъ. Первая, что видѣнное и испытанное мной на этомъ пути не имѣло интереса, позволяю себѣ въ незначительномъ разсказѣ передать съюмчачетлино.

2852

Якутская область по пространству занимаемой площади равна 3,482 тыс. кв. верст. Она может вместить въ себя всю Францію, Германію, Италію, Швецію, Норвегію, Британскую имперію и Австро-Венгрію вмѣстѣ взятыхъ.

Между тѣмъ какая разница въ жизни этой области въ сравненіи съ западной Европой. Тамъ, въ городахъ Лиссонъ, жизнь бьетъ ключемъ, масса ошеломляющихъ и всевозможными неожиданностями. Въ нихъ стоятъ вѣчный гулъ отъ людскихъ голосовъ, проѣзжающихъ фіакровъ, омнибусовъ, трамваевъ, автомобилей, проходящихъ поездовъ, движенія всевозможныхъ фабрикъ, заводовъ и снующихъ постоянно пароходовъ, не говоря о колоссальныхъ зданіяхъ въ городахъ и электрическихъ освѣщеніяхъ. Здѣсь же тишина, мертвящая тишина; на пространствѣ десятковъ и сотенъ верстъ не встрѣтишь ни жилья, ни чело-вѣка. Здѣсь пустынная во всѣхъ отношеніяхъ область спитъ въ теченіе 7 мѣсяцевъ подъ бѣлымъ саваномъ снега — точь въ точь спящая красавица.

Но придетъ ли когда нибудь ея женихъ, пробудитъ ли ее и къ величайшему удивленію ея покажетъ ей такіе картины грандіозности, красотамъ которыхъ поразится красавица.

Теперь у спящей красавицы-царевны, въ предѣлахъ Владвія ея, на поверхности земли бродятъ тысячныя стада всевозможныхъ звѣрей, часто въ несказанно дорогихъ одеждахъ. Теперь рѣки и озера ея изобилуютъ серебристой и золотистой рыбой. Воздухъ ея прорѣзывается несметнымъ количествомъ разнообразныхъ птицъ, дикошахъ нѣжныхъ и мягкій шумъ. И наконецъ, нѣдра ея такъ богаты всевозможными ископаемыми, что, право, нѣтъ времени только лишь ихъ перечислить. Вотъ какова красавица-царевна, нынѣ спящая въ ожиданіи жениха.

...Вотъ и станція Курнастахъ — преддверіе другой области, другого климата. Это въездъ въ Приморье, къ Охотскому и Берингову морямъ. Здѣсь зимы не столь суровы по морозамъ, какъ въ Якутской области, но за то суровѣе, далеко суровѣе по капризамъ къ переменамъ погоды отъ тепла къ холоду, отъ абсолютной тишины до ошеломляющей бури. Тутъ, за частую, рѣчки текутъ зимой свѣтлой прозрачной водой, безъ единой

льдяники, но какъ быстро текутъ, — съ огня рветъ ихъ бѣшенный потокъ...

Наледь отъ станціи Крынастаха, по рѣчкѣ Бѣлой, — зеркальная поверхность. Скользятъ оленьи ноги, до того гладка поверхность льда.

Чу! что то завывло. Не волки ли это? Нѣтъ, это первый приступъ бури. Держитесь олени, не давайтесь напору вѣтра, иначе мы и вы быть можете погноби: снесетъ всѣхъ насъ бурей, какъ бѣлинку и только спустя много времени набредутъ на наши искалеченныя и замерзша тѣла. Помоги Боже!..

Вершина Лобоноваго хребта вздымается на нѣсколько тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. Сколько труда употреблено на подъемъ до вершины хребта. Сколько страху пережито позади, идя въ долину и по склону этой горы. Теперь мѣсяць лѣтъ за тучь слегка освѣщаетъ вершину горы, здѣсь довольно тихо, а внизу, на долину и на наледи, сплошнымъ гуломъ, бѣетъ громовымъ раскатомъ, гудитъ буря.

Спускъ съ горы... Стой, ящикъ! Это крестъ владыки Иннокентія, простой, деревянный. Вѣроятно владыка не мало перенесъ здѣсь опасеній за жизнь. Вѣроятно не одна искренняя молитва слетѣла съ его устъ. Преклони колѣна у креста, бѣдный братъ путешественникъ. Слейся съ этимъ крестомъ по вѣрѣ въ Бога и по долъ своей. Никаго Бога не обидѣшь: всѣмъ приходится испытать житейскія и действительныя бури природы.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ послѣдней къ Охотску станціи, — одинока часовенка дворянина Ивана Порогова, моего дѣдушки. Знаю, послѣ печальной размолвки съ своей женой, моею бабушкой, онъ поселился здѣсь въ качествѣ станціоннаго писаря. Воспитать внучку, которую выдалъ за старосту. Выстроить эту часовню и у ней похороненъ.

Часто и подолгу, помню я, плакала моя бабушка, откинувъ свою работу, можетъ быть вспоминая старую жизнь. Я былъ малъ и только безцѣльно лѣзалъ къ ней въ это время.

Цоцѣдуетъ, бывало, старушка, погладитъ по головѣ и тихо отстранитъ рукой. А я нащелъ уже предметъ игры и забылъ о слезахъ старой бабушки. Вотъ она о чемъ плакала, моя обаянная бабушка!

Собаки, мы знаем, держат, как сторожей и как охотников, т. е. помощников к охоте на птиц и на зверей. Но чтобы собака была необходима для езды на ней, как то же вьрится. А между тем, не только это вьрно, но и необходимо вь здьшних краях. Последняя вь Охотску станция перевозятся на собаках. Вь длинному потягу (основная вьзавка) пристегивается до 18 собак и эта вереница ведомая передовой, ученой собакой, послушной команднымь словамь маюра (ямщика), везеть нашу парту безь всякихь вьзжей вьтакихь бойко, какь собака можеть бьжать на возь. Смьшно одноко, но смьшно на первый раз... Здьсь собаки цьнятся дорого, особенно передовья, за нихь, лучшихь, дають до 150 руб. Не забавно ли это?

Оть Охотска до Гижли 9 селений (станций). Наибольшее расстояние между станциями 450 верст, наименьшее 65. Все расстояние между двумя городами 1765 верст. Дорога во все время направляется бьжию берега Охотскаго моря, по безьбесному пространству, открытому, доступному всемь пьтрамь. Туть насъ не мьнуеть никакая буря, даже и Нордъ—бичь всего живого и живущего. Налететь эта буря и вь несколько минуть, львоо презирающая вь кусокь льда. Была жизнь и неть ей и это буквально вь несколько минуть.

Собака весьма не экономная подвода. Если вамь нужны двь подводы по 18 собакь, то за вами должны сльдовать на большихь перегонахь ямскихь 3 парты съ провизией вьшихь собакь и конечно, плеть ямскихь, вьзущихь эту провизию и на каждую парту по ямщику. Представьте себе какой громадный каравань ямщиковь и вьоющихь животныхь должень составлять нашу скромный провизь. А какь онь грязны вь дороге, поминутно испражняясь и по миролюбивы между собой. Стоять только на минуту останавливаясь, двумь потягамь вьместь, какь пойдеть между ними двько. Занастую бываеть и то, что собаки одного потяга дерутся между собой. Вь этихь случаяхь и осталь ямщика, и смьтри на своя внушительныя достоинства, не помогають. (Осталь — это оглобля вь аршина два длиной, на конць которой 6 ть гвоздь для торможеня и остановки)

парты). Съ горы встали живогонныя лютыя такъ обшечно, что ничто ихъ не удержитъ: крики, сильный тормазъ. Если на дороге учуютъ следы звѣря, то напрасны все оклики навра (лищяка), онъ погонитъ всю стаю и путь необходимо сильный тормазъ. Проклятый звѣрь, хуше, всѣхъ существующихъ на свѣтѣ вѣчныхъ животныхъ.

Первыя сутки хороня собаки пробѣгаютъ и до 200 верстъ и, если онъ плохо кормится въ дорогу, что бываетъ постоянно, кладетъ ихъ самихъ на парту и вози, или бросаетъ на дорогѣ усталыхъ — нкуда не годится. Вообразите себѣ собачій шагъ и много ли вы проведете этимъ манеромъ?

Въ концѣ волока (дорога до поварки или желя) плохо кормили собакъ, в послѣ несколько дней голодаши, набрасываются на все кожаное: съдають, раниа у парты, обшивку повозокъ изъ кожи и даже разрываютъ моментально шапки и рукавицы, если только ветромъ закинетъ ихъ въ ихъ сторону.

Однѣ разсѣры. Нѣтъ, ранивательно, ничего хорошаго нѣтъ въ такихъ подводахъ. Одно лишь достоинство ихъ въ злышнихъ мѣстахъ заставляють пробѣгать къ ихъ услугамъ, это ихъ легкий пробѣгъ по ледянымъ пространствамъ, а здѣсь при постоянныхъ буряхъ все рѣчи и бужды оледены отъ снѣга.

На половинѣ пути къ селенію Тумана задулъ страшный вѣтеръ. Моментально вся окрестность приняла туманный видъ отъ сильной пыли. Ничего не видно кругомъ. Вхатъ далеко невезаванно, а при ривѣ и на погубель: ласко сойти съ пути и сорватся съ крутого скалистого берега въ море и, если не утошуръ тамъ, то рабшуръ на смерть. Остановились. Собаки, свернувшись въ клубки, мерца и сейчасъ же превратились въ снѣжные бутры. Промошавъ до утра въ повозкѣ, я потерялъ ощущение ступней ногъ. Сначала онъ болело нилл, колотило сильно пламп, а затѣмъ возобновились ошожьиде. Все время я или безъ одно повозки, вызывая усиленную притокъ крови, по это не помогло. Теперь замѣна востаносъ вчочательнѣе, что я стою на ледяныхъ пузыряхъ, а боль не унимается.

Сутки темода и безъ ногъ повергли меня въ отчаяніе и я настоялъ вхатъ даге. Для меня рѣшительно было все равно, если я и сорвусь съ крутого берега въ море. Все равно умя-

рать где бы то не было. Благополучно спустившись съ горы, мы попали въ морскую губу и ящикъ, ориентируясь ею, съ обратной стороны попалъ въ селеніе. Откопавъ занесенную сибиромъ дверь юрты и мы теперь живы, но безъ провизіи. У хозяевъ дома ничего не оказалось — вся провизія ушла и сама она голодаютъ, что здѣсь по рѣдкости. Въ селеніи у мань двѣ юрты. Я бывшимъ въ аптечкѣ цинкомъ, съ лавъ, примочку, обмылъ ноги и продолжалъ стоять на натянутыхъ нагиогахъ и музыряхъ... Голодъ не давалъ покоя, а есть было нечего, вся провизія осталась у ящиковъ, которые еще не прѣхали, и придутъ ли?

Вдругъ я увидѣлъ на полкѣ черную рыбу — это была кета, приготовленная, вѣроятно, для собакъ. Не спрашивая хозяевъ, ихъ и не было въ этой юртѣ, я попросилъ казака постругать ее и съѣлъ съ нимъ кусокъ два, не замѣтивъ ничего, но третій кусокъ отрезвилъ меня — это была промерзлая, гнилая рыба.

Кета имѣетъ обыкновеніе плыти по рѣчкѣ вверхъ противъ теченія ея и по хѣрѣ подтема, преодолевая быстроту течения, постепенно истощается и доходитъ до того, что истощившись и изнурившись окончательно, погибаетъ у берега. Здышняя рѣчка, текущая съ Яблоноваго хребта, не продолжительная въ своемъ теченіи, имѣя высокое паденіе и короткое расстояние, весьма быстры въ своихъ теченіяхъ, отъ того въ некоторыхъ мѣстахъ и совсѣмъ не замерзаютъ. И вотъ, эти дехлыя рыбы по рѣчкамъ составляютъ кормъ волковъ, лисицъ и голодныхъ собакъ. Здѣсь много убиваютъ лисицъ и какія чудныя здѣсь лисички: огневки. Развѣ только въ Колымскомъ краѣ Якутской области могутъ конкурировать лисицы съ здышними, ярко красными.

Вечеромъ прѣхали и остальные ящики и мы, получивъ провизію, возлжорали. Легко сказать, но есть двое сутокъ и действительно можно возлжорать. Но на горе явилъ изъ ящиковъ такъ бѣлая перенутанъ бурей и садывающъ въ стени, что прямо таки сошелъ съ ума. Постоянно бормочетъ что то про себя, молится Богу, никого не узнаетъ. Взяли ему въ ротъ такую водку, бывшій у меня на всякій случай, уложили

спать и онъ (Кривко) зануль и мы уже должны были оставить его здесь, но братъ на дальнейшее путешествие. На утро он преролоть на ногахъ пузыри, снова пробыть в ружьей, а скоро собравшись, мы поехали дальше. Ждать в дороге не вышло, притом ввиду къ дороге не приходилось, а ввиду большого едшине и при томъ очень большой важности поручения. Такимъ образомъ каждая моя остановка или промедление в дороге, неизбежно приносила ущербъ делу и жизни изъ нравственного даже чувства нельзя было допустить ничего подобного.

Въ зимне мѣсяцы: декабрь, январь и февраль, въ которые мы пришлое ехать, въ этихъ краяхъ постоянно свирѣствуютъ бури, штормы, тогда какъ весной по рассказамъ ямщиковъ провоздк этихъ мѣсть въ высшей степени приятно: тепло солнце посылаеть яркіе лучи свѣта, все кругомъ оживаетъ. Звѣрь выходитъ изъ логовища, изъ круга своего зимняго обитавія и бродить по всей равнинѣ и даже тѣмъ ползучій кедръ, столбчатой по землѣ и покрытый зимой толстымъ слоемъ свѣга, выдвигается изъ него и протягиваетъ къ солнцу свои многоветвистыя лапки. Какъ должно быть на самомъ дѣлѣ приятно и хорошо!

Нѣ въ вечеру этого дня по выѣздѣ изъ Туманы мы подошли къ Воробьевымъ горамъ. Мы должны переѣхать эти горы. Самце обвѣваетъ, тихо, нѣтъ вѣтра и намъ свободно и радостно дѣлается и чувствуется. Наконецъ то установилась погода.

Поднявшись на весь склонъ горы покрыты толстымъ слоемъ свѣга, до того мягкаго, что нѣтъ возможности ступить на ноги чтобы не провалиться по локоть въ свѣгъ. Собаки поодѣлительно зарынаются въ свѣгу. Что тутъ дѣлать и какъ перебраться на эту гору? А надо непременно подняться на нее, другого пути нѣтъ.

Горы эти получили названіе свое послѣ смерти на нихъ Кунца Воробьева, который, это было давно, переѣзжая ихъ по торговымъ дѣлямъ, то ли замерзъ на нихъ, то ли былъ засыпанъ обваломъ свѣга, или просто бурей сорвала его внизъ, словомъ здѣсь умеръ. Это отрогъ не ниже Яблововаго хребта.

Рѣшила подпматься на гору ползкомъ, на брюхѣ. Отползешь къ сколку шаговъ вверху, схватишь нарту за передній обручъ и подтянешь на верхи. Зарывшись внизу собаки встретятся и придвинутся впередъ. Затѣмъ опять ползешь наверхъ и сбласишь то же самое. Потъ льетъ градомъ, кашель, усиленное сердцебиеніе, хочется все пить и шить. Берешь прятаршнями снѣгъ и никакъ не можешь утолить жажды. До ночи мы пропидли одну треть горы и остановились на почледь. За намѣнемъ дровъ на топливо, изрубилн нарту, вырыли въ снѣгу яму и развели огонь.

Начега говорить о томъ, какъ неприятна и холодна была ночь при сырой одеждѣ. Никто не спалъ, все жидавсь отъ холода. Нарты хватило лишь на вскипяченіе чайниковъ, остальное время безъ огня. Съ нетерпѣніемъ ожидали разсвѣта, чтобы продолжать тотъ же мучительный путь.

Утромъ та же работа и наконецъ въ полудню осилена гора. Т. е. та часть, которая была завалена снѣгомъ. Къ вершицъ снѣгъ убитый, твердый и мы, совсѣмъ мокрые отъ пота, могли хоть пресветъ на нартахъ. Переваливъ на другую сторону горы, мы при сильномъ вѣтрѣ подувшемъ вѣтрѣ на одной трети ея остановились напиться чаю. Снова началась сильная буря, съ мягкими хлопьями снѣга и наша одежда совсѣмъ промокла. Изрубилн опять нарту, заслонили отъ вѣтра костеръ нартами и одеждой и пилился чаю. Мокрая одежда для просушки поднесонная къ костру моментально скорчивалась, сторала. Я сжегъ подошвы башмаковъ (торбасовъ) изъ оленьей шкуры и не было у меня другихъ на смѣну.

Спустившись съ горы, вскорѣ остановились на привалѣ въ тополовомъ дѣску, на рѣчкѣ Вилягѣ, въ зацѣтѣ отъ бури. После бурь и усиленнаго труда, такой покойный отдыхъ одно блаженство.

Когда мы поехали по рѣчкѣ, съ однимъ изъ нашихъ ямщиковъ, молодымъ нарнемъ, случилась что-то непонятное. Онъ сталъ бредить, пѣть, то ложится на нарту, то садеть, то соскочить съ нея и поблмать. Словомъ поведеніе его было крайне непонятное и ненормальное. На вопросъ ямщиковъ, не боленъ ли онъ и что чувствуетъ, ямничекъ не отпидазелъ, ни говорить не болелъ и отрицалъ своей бредъ.

Ямщики уложили его на нарту, прикрыли одеждой и онъ повидимому заснулъ, потому что все время не поднимался, не двигался и не бредилъ.

Когда наступили сумерки, мой ямщикъ погналъ собакъ, если только выраженіе погналъ допустимо. Собаки были такъ обезсилены, что никакое „погналъ“ на нихъ не могло дѣйствовать. Шли онъ шагомъ, автоматически, и, если бы только не гладкая поверхность льда, рѣчки да попутный сзади вѣтеръ, облегчавшіе тревіе нарты, то пожалуй и совсѣмъ бы стали. Такъ ли иначе мы подвигались впередъ и позади насъ не въ далекъ ѡхали остальные ямщики.

Когда уже совсѣмъ стемнѣло, мы подъѣхали къ поварнѣ въ тополовомъ лѣсу. Поварня выстроена изъ толстыхъ кругляковъ этого лѣса, безъ моха и не была обморожена, такъ что вѣтеръ свободно гулялъ по ней. Размѣры ея отъ 1½ до 2 саж. въ квадратъ, безъ пола. По срединѣ квадратный шестокъ, набитый землей, а въ потолкѣ отверстіе для выхода дыма, поварня довольно низкая.

Разводя на очагѣ огонь и пріставивъ чайники, ямщикъ вышелъ послушать не подвѣжасте ли остальные и вернувшись сказалъ: „вдуть близо, слышны разговоры“. Немного спустя, выйдя, онъ тотчасъ же вернулся со словами: „подвѣхали“.

Вскорѣ заходитъ ямщикъ и съ улылымъ видомъ заявляетъ: „Каллистратъ, (такъ звали больного ямщика), не живой“. И далѣе мы узнали изъ его словъ, что послѣ нашего отъѣзда, онъ сорвался съ нарты, раздѣлся и побѣжалъ. Его поймали, уложили на нарту, прикрыли одеждой и здѣсь увидѣли, что онъ не живой.

Внесли его въ поварню, сорвали одежду и я началъ оттирать его снѣгомъ, думая что онъ замерзъ, но никакого результата: роговая оболочка глазъ совершенно помутнѣла. Бѣдный Каллистратъ! Такъ печально закончилась его жизнь. Жить надо было такому молодому, жизнерадостному, всегда радостному, и веселому и при такомъ печальномъ нашемъ положеніи чело-вѣку. Что случилось съ нимъ? Вѣроятно гора Воробьева уморила его: онъ тамъ простудился, остро, безнадежно. Миръ праху твоему, бѣдный Каллистратъ!

Подъелили между собой остатки провизии и теперь ни у кого, кроме какъ у меня чая, ничего не оставалось. Что будетъ завтра и послѣдующіе дни, какъ то объ этомъ не думалось.

Положили умершаго на переднюю нарку, въ ногахъ котораго я долженъ былъ спать. Во всю ночь я, поддерживая на очагѣ огонь, согрѣвалъ воду и пилъ ее, чтобы согрѣться, до того холодно было въ поварнѣ. На время забудешься сномъ, протянешь ноги и сейчасъ проснешься отъ прикосновенія къ нимъ ледяныхъ ногъ мертвеца.

На утро, послѣ пустого чая, заложивъ дымовое отверстіе и дверь поварни, чтобы не забралась къ мертвецу хищная животная, мы отправились въ путь. Собаки чуть живы и много ихъ побросано дорогой, переживутъ ли онѣ? Идемъ пѣшкомъ.

Этихъ животныхъ теперь не тревожить и слѣдь только что прошедшей рессомахи. По словамъ ямщиковъ легко пагнать эту рессомаху, т. к. вообще онѣ ходятъ очень тихо и часто ихъ бьютъ по слѣду. Наши собаки совсѣмъ истощали отъ безкормицы, запасы на нихъ истощились давно. Вскорѣ ямщики остановились у подножія невысокаго холма и что то начали искать и дѣйствительно скоро отрыли изъ подъ снѣга довольно обильный запасъ рыбы для людей и собакъ, жиру и чего то еще. Какъ они узнали объ этомъ, для меня осталось тайной. Я былъ несказанно радъ этой неожиданности и даже не успѣлъ спросить о причинѣ находки. Вѣроятно всѣми ямщиками кладутся въ извѣстныхъ мѣстахъ запасы и это для нихъ не тайна. Теперь мы все же не умремъ съ голода.

Покормивъ собакъ и закусивъ юколой *) сами, отправились далѣе и только отъѣхали нѣсколько верстъ, какъ ямщики радостно воскликнула: „Богъ намъ помощь посылаетъ!“ и показали на впередѣ стоящую гору, съ которой я увидѣлъ катившіяся черныя ленты. Это спускались собаки, ѣхалъ съ Гляжигя товарный транспортъ. Сколько пріятныхъ неожиданностей для одного утра. Воже, какая радость!

Транспортъ сложилъ товары тутъ же на дорогѣ, подирагъ свѣжихъ, бойкихъ собакъ въ наши нарты и лихо покатила, — скатертью дорога!

*) Расизаганная садовая рыба

Пріѣхали въ селеніе Товатоно безъ жителей, которые за недостаткомъ продовольствія откочевали куда то. Заѣхали къ оленнымъ корякамъ, живущимъ въ чумахъ. У чума маленькія ажурной работы нарты не болѣе дѣтскихъ саночекъ: не умѣя сѣсть—раздавши, до того легки и ажурны. Есть и вдвое болше ихъ, сдѣланныя погрубѣе, предназначенныя для обозовъ и перевозки чума. Кругомъ оленя. Склопъ хребта, стоящаго отъ чума влѣво, былъ весь покрытъ пасущимися оленями, словно облѣпившими муравьями. Говорятъ, у корякъ бываетъ оленей отъ 4000 до 8000 штукъ. Здѣсь жилъ корякскій тоень, и при всемъ томъ слишкомъ много у него оленей. Но дай имъ Богъ и болше. Говорятъ, они очень добрый народъ: постоянно по приказанію Гижигинскаго исправника помогаютъ всему населенію продовольствоваться оленьимъ мясомъ, убивая ихъ безъ счету. За такую помощь будто не получаютъ ни денежнаго вознагражденія по стоимости, ни другого рода поощренія въ видѣ хотя бы Высочайшихъ наградъ: кафтановъ, медалей. Поистинѣ, творятъ милостыню, не ожидая награды. Вотъ и намъ на продовольствіе свое и собакъ понадобилась оленья и они съ готовностью уложили тотчасъ же пять штукъ и не удержи ихъ я, они готовы были потребить ихъ до двадцати штукъ.

Корицкій чумъ имѣетъ конусообразную форму, вверху открытый для выхода дыма изъ костра, горящаго внутри чума по срединѣ его. Чумъ устлавляется на жердяхъ, вверху переkreпчивающихся. Эти жерди покрываются оленьими кожами, шерстью вверху. Диаметръ чумъ до трехъ сажени въ квадратъ и смотря по количеству обитающихъ въ немъ семействъ, раздѣляется на нѣсколько установленныхъ внутри пологовъ. Это четырехъ угольная или квадратная палатка изъ оленьихъ шкуръ, со всѣхъ сторонъ наглухо закрытая. При надобности входить въ нее, нужно откинуть переднюю подевку ея и проползти внутрь. Полъ устлавается кожами шерстью внизъ. Въ пологѣхъ постоянно горитъ лампа. Это плоское корытце о двухъ половинкахъ, глиняное или деревянное. Въ одной лежитъ тюлений или олений жиръ, а въ другой труха моха (яголя), послѣдній, впитавшій въ себя растопленное сало, составляетъ фитиль для лампы.

Изготовление ажурных саночек составляет предмет торговли съ чукчами, которые не дѣлаютъ ихъ или по немѣвно или по немѣвно матеріала. Изъ какого дерева вѣдѣваются онѣ, я сказать не сумѣю. На первый взглядъ кажется будто изъ березы, но я на всемъ пройденномъ и послѣдующемъ пути нигдѣ не встрѣтилъ березы. Вѣроятно выгибаются эти санки изъ теноловаго дѣса, котораго нѣтъ у чукчей и на всей тундристой равнинѣ ихъ района.

Угостивъ хозяина чаемъ, позанушивъ оленницей, въ чумѣ, на полу, — столовъ и стульевъ у нихъ нѣтъ, цѣтъ и соли, — и запасшись оленьимъ мясомъ обильно, мы направились далѣе. Но хозяинъ былъ до того любезенъ, что подѣ мою нарту подпрягъ оленей и я на нихъ, не слезая съ нарты, перевалилъ отрогъ Яблоноваго или Охотскаго хребта, — не могу точно сказать, очень высокій. Какъ не благодарить такихъ людей: облакали, пригрѣли, снабдили продовольствіемъ, проводили на оленяхъ своихъ и все это даромъ — безъ всякаго вознагражденія. По истинѣ изумительное безкорыстіе. Впослѣдствіи я объ этомъ рассказалъ Гижигинскому исправнику и увѣренъ, что это такъ и осталось: слишкомъ ужъ смотреть на нихъ, какъ на дойныхъ коровушекъ.

Послѣднее къ Гижигѣ селеніе Нояханъ съ однимъ жителемъ. Въ четырехъ верстахъ отъ него къ Гижигѣ находится теплый ключъ, бьющій воду изъ небольшого отверстія въ горѣ. Вѣроятно ближе къ Камчаткѣ такихъ ключей много, такъ какъ на Камчаткѣ и до сихъ поръ дѣйствуютъ огнедышашія сопки.

Изъ 9 селеній, расположенныхъ между Охотскомъ и Гижигой могутъ считаться наибольшими только 4 селенія, Инское 20 чел. жителей, Точуйское 25, Арша 20 и Ямскъ 25 чел. Остальные Ола, Тохтоямскъ, Тумана, Товатоно и Нояханъ имѣютъ по 1—2 жителя. Подводы для провизовъ могутъ доставляться лишь большими селеніями, а также и запасы для продовольствія собакъ въ пути, а остальные селенія сами регулярно голодуютъ каждую весну и покидаютъ свои убѣжища переселяясь для прокормленія или къ корякамъ или въ большія селенія.

Отъ Гижиги до селенія Марково на Анадырь 5 селеній, такъ называемыхъ сидячихъ корякъ, содержащихъ у себя собакъ для переездовъ, но подводы для проѣзда на Марково заготавливаются въ Гижигѣ, проходные. Первое селеніе Крестовское отъ города въ 25 верстахъ. Мы туда не заѣзжали, а проѣхавъ его, остановились на снѣгу у лѣса приваломъ для обѣда. Собаки очень хорошия, везутъ скоро.

Мимо насъ, во время нашей остановки, провезли умершаго Олюторскаго священника Донгѣнова въ Гижигу. Этотъ священникъ объѣзжалъ приходъ и на пути былъ засыпанъ обваломъ снѣга съ горы и отрытъ только на третій день, — онъ былъ еще молодой человѣкъ. Козакъ его также попалъ подъ обвалъ, но подъ тонкій слой и потому отрытъ былъ вскорѣ живымъ, а пять нартъ съ провизіей и одеждой за немѣнѣемъ рабочихъ рукъ такъ и остались подъ снѣгомъ.

Въ мицувшемъ году этотъ священникъ потерялъ жену и ребенка отъ родовъ, а старшая дочь теперь осталась на рукахъ дѣдушки.

Поздно вечеромъ мы прѣхали въ селеніе Кудло 200 вер. отъ города. Издали видѣлись, на поверхности ровнаго снѣга, выстроенныя на четырехъ столбахъ, въ видѣ лабазовъ, зданія, да около нихъ холмиковъ пять, снѣжныхъ, невысокихъ. Лаказы эти оказались амбарами для провизіи. Построены они на высотѣ во избѣжаніе проникновенія собакъ въ запасы рыбы, складываемой здѣсь.

На холмикахъ торчатъ воткнутые въ снѣгъ шести съ предѣтными собаками, очевидно жертвованными. Коряки, какъ эти, сидячіе, такъ и кочевые — въ большинствѣ язычники, шаманисты.

Поднявшись по холмику на его вершину, мы обхватываемъ руками торчащую изъ 4-хъ угольной дыры, — изъ которой валитъ дымъ, — дѣствлицу и, не понавъ ни въ одно вырѣзанное для ступенекъ отверстіе, валитесь внизъ. Въ глаза и горло понавъ уже дымъ и первое время вы задыхаетесь отъ кашля и протираете глаза. Затѣмъ вы видите большой бревенчатый, изъ круглаго лѣса залп, весь закопченный. Подъ самой дѣствлицей очагъ; съ боковъ зала въ перегородкахъ съ лицевой стороны

кожанья и ситцевья занавѣски—это спальни хозяевъ и сожителей, а въ переднемъ углу высокую и широкую нару, предназначенную для проѣзжающихъ. На этой нарѣ вы сидите, ѣдите безъ подстилки или доски, замѣняющей столъ и спите. Коряки не употребляютъ совсѣмъ соли, какъ сидачи, такъ равно и кочевые и вся рыба приготовленная ими только вяленая, и безъ соли. Я даже и не замѣтилъ употребленія соли и у жителей Охотскихъ селеній. Впрочемъ, въ здѣшнихъ мѣстахъ объ этомъ минералѣ не имѣютъ никакого понятія, а между тѣмъ онъ весьма нуженъ для запасовъ рыбы и мяса и наконецъ содержащемъ оленей корякамъ и чукчамъ, какъ для нихъ, такъ и для оленей, очень любящихъ соль. Страннымъ кажется, что ни Гажинское, ни Охотское и ни Колымское начальства не распространяютъ среди населенія этотъ продуктъ. Такое невнимательное отношеніе ихъ къ населенію и порождаетъ постоянныя голодовки среди него, —запасы ихъ гниютъ, —иначе моря и рѣки, весьма обильныя рыбой, какъ бы могли допустить голодъ.

Есть въ домѣ корякъ и двери, но на зиму задымываются и задуваются снѣгомъ, оставляя ходъ въ сказанную выше дыру. У корякъ введено въ обычай съ поднятіемъ изъ воды на сушу байдары *) задымывать двери въ дома, и это ихъ избавляетъ отъ мороза въ юртахъ: они живутъ у самого берега моря, гдѣ постоянныя бури и гдѣ почти совсѣмъ безлѣсное пространство и при крайне экономной тоцкѣ лишнее отверстіе заморозило бы домъ.

Нашъ пріѣздъ, конечно, не мало имъ причинилъ хлопотъ: нужно приемотрѣть за собаками, накормить ихъ, поманутно завести въ домъ то то, то другое изъ багажа. Только и слышавъ какъ пріѣзжіе даютъ имъ разныя приказанія на ихъ языкѣ и погоняютъ словами: „иня, иня, токъ“ что значить—„скорѣе“ и бѣдный корякъ съ быстротой обезьяны взбирается по лѣстницѣ къ дырѣ и въ ней исчезаетъ.

Коряки народъ искусный въ выдымываніи изъ моржовыхъ клыковъ всевозможныхъ вещей простыми инструментами, иногда однимъ пожемъ. У меня есть вещи ихъ работы, не оставляющія желать лучшаго по чистотѣ и правильности работы, какъ на примѣръ: въ фигурѣ борющагося корякъ вся мускулатура голого

*) Кожана лодка.

тѣла вырѣзана положительно художественно. Я съ пещера заказалъ изъ кости трубку, и мнѣ утромъ представили ее, прекрасной, красивой работы, обложенную свинцомъ. Въ челу другихъ качествъ этого народа можно отмѣтить его честность и скромность. Больше этого я не скажу о нихъ ничего, какъ видѣвшій мимолетно.

Дорогой къ Маркову расположены корякскія же селенія: Мыкино 75 верстъ, Шестаково 25 и Пенжано 400 верстъ, откуда до Марково въ верховьяхъ Анадыра 250 верстъ. Но мы въ этихъ селеніяхъ не останавливались: онѣ были или пусты отъ жителей, откочевавшихъ все отъ того же голода куда то, или мы сами не заѣзжали въ нѣкоторыя изъ нихъ.

На этомъ пути мы проѣхали озеро Парельское, въ 30 верстъ въ окружности, очень рыбное, говорятъ, что въ старину рыба съѣла человѣка; оно же называется и сухимъ. Переѣхали рѣки и рѣчки: Пенжану, Темитху, Акланъ, три какихъ то поперечныхъ, одну продольную, 4 Ушканья и Копдыреву.

Наши собаки бодрья, сытыя, скоро везуть, а дорога по убитому крѣпко снѣгу. Остапавливаемся днями и получемъ въ крутыхъ, вырытыхъ въ снѣгу ямахъ. Бурь нѣтъ, только довольно холодно, но это явленіе неизбежное. Иногда проглянетъ солнышко и мы обзрѣваемъ голую равнину на далекое пространство.

За 20 верстъ до Марково насъ встрѣтили посланные къ намъ изъ селенія свѣжія собаки, должно быть объ этомъ распорядился ѣхавшій съ нами Марковскій староста съ самой Гижиги, и мы подкрѣпленные свѣжими силами помчались какъ вѣтеръ. Не напрасно славятся анадырскія собаки: это сильныя и отлично обученныя животныя... Вотъ и Марково!

Отъ Охотска до Гижиги и селенія Марково мы ѣхали съ конца декабря по 27 января, въ самое тяжелое время года и постоянныхъ бурь. До Гижиги дня не проходило, чтобы не завывала буря. Когда, послѣ столькихъ испытаній въ дорогѣ, слышишь завываніе бури, — сердце падаетъ и чувствуешь невольное безпокойство: не всегда же, въ самомъ дѣлѣ, сойдетъ для тебя благополучно буря, въ концѣ концовъ она можетъ

побѣдить тебя, вѣдь ты плчто иное какъ червякъ въ этой грандіозной и безконечно сильной природѣ... Но Богъ до сихъ поръ сохранилъ.

Въ селеніи Марково я получилъ эстафету отъ Гижигинскаго исправника, возвѣщающую о благополучномъ уходѣ изъ Петропавловска „Алеута“ 28 октября въ Японію на зимовку. Исправникъ ѣхалъ въ Олюторскъ также съ припасами для „Алеута“ и дорогой встрѣтилъ почту изъ Петропавловска, съ ней и свѣдѣнія сообщенныя мнѣ.

Вотъ теперь, когда моя миссія окончилась благополучно, говорю благополучно потому, что избавила меня отъ похода въ морю, сначала къ устью рѣки Анадыра, и далье по бере Чукотскаго полуострова, къ проливу Дежневу (Берингову): куда я и былъ командированъ, а теперь долженъ избрать путь возврата въ Якутскъ самостоятельно. Предстояла два пути: возвратъ чрезъ Нижнеколымскъ или обратно пройденный путь т. е. чрезъ Гижигу и Охотскъ. По послѣднему все подводило до невозможности взнурены и я долженъ буду гдѣ либо на дорогѣ провести лѣто до новаго саннаго пути. Хорошо, если это случится въ благоустроенномъ мѣстѣ, а то, Богъ знаетъ, просидишь въ пустынѣ и пожалуй пронадешь съ голоду. Эта сторона пути мнѣ рѣшительно не улыбается; пугаютъ и дикіе чукчи. Но что же дѣлать? — попробую, — не съѣдятъ же они меня. Итакъ, — Нижне-Колымскъ и чукчи — рѣшено!

Отъ Маркова до Нижне-Колымска 1000 верстъ. На этомъ пути одно селеніе, крѣпостца Ярополъ, въ 100 верстахъ отъ Маркова, да еще пойдутъ стойбища чукчей... Къ ночи мы приѣхали въ сел. Ярополъ съ однимъ только домою, съ нами приѣхалъ чукотскій староста — переводчикъ (чукча); и еще одинъ чукча. Народъ, какъ будто бы и не опасный...

На другой день, проблудивъ на бурѣ весь день и ночь, попали къ вечеру другого дня въ малое стойбище чукчей Муэтъ и то благодаря встрѣтившемуся чукчѣ. Ночью ѣхать невозможно, сильно свирѣцствуетъ буря и при томъ на пути нашемъ разлилась вода, а впереди Становой хребетъ съ надвигавшимися снѣгами и оврагами. Мы заночевали.

По выѣздѣ изъ Муэта, переваливъ на второй день Ста-

новой хребетъ при сильной бурѣ, на третій день прибыла къ
стойбищу чукчей. Отъ бессонницы и бури начали болѣть глаза.

Чукотскій чумъ такой же точно, какъ и чумъ оленныхъ
корикъ, поэтому описание его будетъ только повторениемъ сказан-
наго выше. Чукчи охотно везутъ на своихъ оленяхъ за нѣ-
сколько кирпичей чаю и табакъ (махорки) и уступаютъ оленье
мясо на продовольствіе. Олени ихъ большіе, хорошо выкорм-
ленные, съ громадными вѣтвистыми рогами, такъ называемые
хартвны, сами чукчи ихъ называютъ хорана. Эти животныя
искусственнымъ способомъ стараются отросить большіе вѣтвистые
рога. Во время роста новыхъ роговъ, пока еще они мягки,
олени постоянно подталкиваютъ свои рога въ развѣтвленіяхъ ихъ
копытами а также и самыя рога и это будто способствуетъ къ
быстрому росту рогъ и многихъ развѣтвленій ихъ. Значитъ, и
олени выкормиваются не хуже нашихъ барынь и барышень.

На вздѣ эти животныя почти неохотно бѣгутъ, при томъ
они злы и упорны. Оттого ихъ чукчи не бьютъ палками, какъ
это дѣлаютъ со своими оленями ламуты и тунгусы. Олени по-
слѣднихъ нѣсколько отличаются отъ чукотскихъ: не имѣютъ
такихъ вѣтвистыхъ роговъ, стройнѣе чукотскихъ и спокойнѣе
и ласковѣе первыхъ.

Чукчи погоняютъ оленей тоненькими палочками съ рога-
вымъ наконечникомъ, едва прикасаясь къ ихъ спинамъ. Самы
бѣгутъ на коряжеской работѣ ажурныхъ малыхъ саночкахъ. Нужна
большая ловкость помѣститься на такого типа выгнутыхъ, прямо
воздушныхъ саночкахъ и не раздавить ихъ. Подъ повозку
выпрягаютъ нару оленей и везутъ ее, такъ сказать, на буксирѣ
и дѣла имъ мало, если и опрокинется ваша ускоходная собачья
нарта на неровныхъ дорогахъ. Достаточно накричавшись, волю-
часъ въ опрокинутомъ глухомъ то къ, набитомъ снѣгомъ, не
умѣя выбраться изъ него, пока вашъ ямщикъ не остановитъ
оленей и не придетъ къ вамъ на помощь поднять ее.

На оленяхъ, въ тундрѣ этой, существуютъ двѣ важныя
бѣды, отъ которыхъ ихъ много погибаетъ. Первая: если на
стадо нападутъ волки, или хотя бы одицъ, много ихъ переж-
мутъ и вторая главная—это копытная болѣзнь, развивающаяся
среди нихъ поздней осенью и лѣтомъ. Это родъ чесотки. Подъ

585
23

Э. С. Зуб

ИНСТИТУТЪ РАССЛѢДОВА...

копытами оленя, быстро распространяющаяся вверх и неизбежно на второй или третий день загубляющая оленя. Еще была в томъ, что она весьма заразительна и гдѣ только появилась, все стадо должно вымереть. Оттого чукчи раздѣляютъ свои стада на много мелкихъ частей и пасутъ каждое въ отдельности.

Чукчи народъ грязный, никогда не моющійся, нерѣдко съ татуированнымъ лицомъ, не исключая и женщинъ. Чукчанки, особенно старуха, прямо безобразны. Въ пологу сидятъ со снятыми куклянками, голые до пояса, а женщины со спущенными также до пояса верхними одеждами. Все безобразіе прелестей женщины на голо, и невольно отвращаешься при видѣ этихъ отвязлыхъ прелестей. Ѣдятъ чукчи очень много и часто; почти одно кушанье смѣняетъ другое. Вотъ въ корыть поставлено на полъ изрубленное мелко сырое мясо, и также измельченная кровь. Забирая то и другое пальцами, съѣли до чиста все безъ соли. Подоселся грома варенаго мяса, — съѣдено все; нѣсколько большихъ чайниковъ кипятку съ моимъ непремѣннымъ чаемъ, выпиты до капли. Опять и опять мясо въ разныхъ видахъ: вареное, сырое, съ кровью и безъ крови. Словомъ Ѣдятъ и пьютъ безотказно. И наконецъ, къ ночи опять мясо, цѣлая грома, а къ утру ни кусочка остатка. Каждый проснувшійся въ теченіи ночи непременно поѣстъ этого мяса и спать до полудня.

Чукчи и коряки, какъ я говорилъ выше, не имѣютъ понятія о соли, а также не любятъ ѣсть бульона, ограничиваясь только для промочка горла двумя-тремя ложками, которые каждый носитъ при себѣ на ремнѣ при поясѣ.

Въ каждомъ пологѣ къ потолку привѣшенъ бубень, какъ необходимая принадлежность шаманства, какъ и у оленныхъ корякъ.

Чайники и котлы у нихъ американскаго происхожденія: котлы мѣдные, широкіе и плоскіе, какъ лодки. За послѣднее время будто американцы совершенно вытѣснили русскую торговлю съ чукчами и Алюйская крѣпость, прежде посѣщаемая чуть ли не всѣми чукчами тундры, теперь почти пуста. Нѣкоторые изъ чукчей говорятъ по американски и англійски, но по русски почти никто. Говорятъ одинъ богатый чукча имѣеть съ американцами паровое судно и ведетъ съ американцами торговлю.

И наконец, американцы хитрячески разрабатывают въ береговой полосѣ Берингова моря золото привезенными для этого машинами. Что же дѣлаютъ наши дозорные крейсера?

При путешествіи чукчи одѣты такъ: поверхъ камосныхъ торбасовъ одѣты теплая оленья шерстью вверхъ, брики, кнвзу совсѣмъ узкія, привязанныя оборой. Сивау надѣта короткая двойная парка на голое тѣло и сверхъ ея длинная ординарная или двойная, шерстью вверхъ. За поясомъ кожаный стаканчикъ, въ него чукча мочится и мочу отдаетъ оленямъ. Олени любятъ этимъ лакомиться и, если гдѣ на сибгу увидятъ мочу, извѣдаютъ весь сибгу. Она любятъ соль, а моча содержитъ ее и вотъ почему онѣ и лакомятся ею. И, если олень на волю, то этимъ путемъ, если онъ не дается въ руки, его можно поймать. Пригнавъ цѣлое стадо оленей къ чуму, чукчи съ помощью стаканчика вылавливаютъ нужныхъ оленей, и если стаканчикъ и пустой, олень, увидя его, легко поддается на обманъ. Дома у себя чукчи ходятъ въ опредѣленное мѣсто, скапливая мочу для оленей.

Одинъ богатый чукча, ѣхавшій съ нами, надѣвалъ поверхъ сказанной одежды кумачевый, красный балахонъ; что означало это, я такъ и не узналъ, ибо въ это время, обманувъ насъ, сказавъ, что мы скоро найдемъ другого переводчика, нашъ переводчикъ остался и некому было отвѣтить на мое любопытство. Догадываюсь я, что этотъ балахонъ есть предметъ вѣса и солидности и должно быть этотъ чукча былъ изъ старости или старшихъ въ родѣ. При входѣ въ пологъ онъ бывало сомнѣтъ свой балахонъ въ комокъ и втащитъ туда. Я видѣлъ флаговую красную рубаху только на ихъ томихъ и больше ни на комъ другомъ.

При вступлѣнн съ тономъ, въ знакъ особаго уваженія къ нему, всѣ чукчи цѣлуются съ нимъ троекратно въ обѣ щеки и губы и цѣлуютъ руку. Это дѣлаютъ не только чукчи, но и чуванцы, ламуты и тунгусы.

Чуванцы народъ рослый и довольно красивый. Я видѣлъ пару ихъ: мужа и жену. Оба высокаго роста и вѣкомъ почти отъ чукчей не отличаются. Не могу сказать только всѣ ли они высокаго роста. Какъ чукчи, такъ и чуванцы, и пожалуй

коряки, мнѣ кажется, принадлежатъ къ американскому народу, хотя ихъ приписываютъ къ монгольскому племени. Часто, свѣтлые волосы, голубые глаза, не раскосыю, какъ у другихъ монголовъ, и наконецъ, отличие языка отъ монгольскаго даетъ нѣкоторое сомнѣніе въ ихъ происхожденіи отъ монголовъ. Волосы, въ упомянутыхъ народахъ, кромѣ чукотъ и тунгусовъ, часто бреютъ, оставляя косички по бокамъ, иногда пробрита лишь середина темени кружкомъ и по краямъ волосы обрѣзаны такъ же кружкомъ ровно, какъ и у кочующихъ корякъ.

У женщинъ костюмъ: высокіе камасы, широкія брюки, заложеныя за голенища камасовъ, составляющіи вверху продолженіе костюма узкаго съ рукавами и привязанныя у ворота ремешкомъ. У дѣтей этотъ костюмъ съ колпачкомъ для головы и шитыми въ одно цѣлое тѣлесами и рукавицами, съ задней стороны пришитыми къ рукавамъ, а у самыхъ малыхъ и камасы и рукавицы пришиты наглухо къ костюму, завязывающемуся сзади снизу до верха ремнями, такъ что онъ лежитъ въ кожаномъ оленьемъ футлярѣ. Тотъ же костюмъ и у оленныхъ корякъ и ихъ трудно отличить отъ чукчей.

Всѣ они язычники и очень малое количество ихъ крещено и то, конечно, не исполняютъ обрядовъ христіанства. Говорятъ, существуетъ у нихъ и до сихъ поръ обычай, по вѣсѣлѣ престарѣлаго и больного отца закалываетъ его старшій сынъ. Мертвыхъ не хоронятъ, а отвозятъ на горы и тамъ оставляютъ. Браки освящаются убоемъ, по известному обычаю, оленя и мазаньемъ его кровью брачующихся. Разговоръ ихъ медленный совсѣмъ по похожій на монгольскій языкъ и весьма понятный и легкій для изученія; можно, живя у нихъ, въ мѣсяцъ научиться ихъ языку.

И выѣхавъ изъ Маркова 28 января и только 15 февраля пріѣхавъ въ Анюйскую крѣпость, а 20-го въ Навяне-Колымскъ. Дорогой дня четыре сидѣлъ въ чумѣ, не везли далѣе. Паслись ли олени далеко отъ чума или просто вымогали большую плату. Кроль этого, чукчи спятъ чуть ли не до полудня, а вставши, ложа крѣпко не надытается, но едутъ за оленями и намъ иногда приходилось выѣхать къ вечеру и сдѣлать перевалъ въ верстахъ 20—30. Такая ѣзда прямо противна, но что по-

дѣлаешь, когда всецѣло зависишь отъ нихъ... Русскіе крейсера, останавливаясь у чукотскаго берега, охотно принимаютъ чукчей на свою палубу и удовлетворяютъ всякое любопытство ихъ. Если у чукчи поверхъ бухляня надѣтъ крестъ, что обозначаетъ крещенаго, такихъ и угощаютъ, и потому, говорятъ, что чуть не все чукчи обзавелись крестами, яко бы православные, имѣющие право на угощеніе и особое вниманіе къ нимъ русскихъ.

Однажды на этомъ пути, не находя стойбищъ чукчей, къ которымъ зачастую замѣнены дороги снѣгомъ, мы подъ рѣдъ дѣвнечъ останавливались на снѣгу. Холодъ невыносимый, костеръ не согреваетъ нисколько, лицо, руки и ноги ноютъ отъ холода и я на столько ослабѣлъ, что на пути совсѣмъ сталъ замерзать. Я это чувствовалъ, но никакого желанія встать изъ возка и пройти нѣкоторое разстояніе ишкомъ, чтобы разогрѣться, у меня не было, напротивъ мнѣ хотѣлось положить спякойнѣе и спать, и не хотѣлось шевельнуть ни руками, ни ногами, которые немилосердно ныли. Изъ нутри дышалось холоднымъ воздухомъ. Возница мой, видимо испуганный моимъ видомъ, заглядывалъ мнѣ въ глаза, но ничего не предпринималъ. Къ счастью моему, на самую дорогу, какъ оказалось, перекочевывалъ чумъ и вотъ меня полусознательнаго втащили въ нологъ и уложили. Влезу, чукчанка подаетъ мнѣ супъ, но я не пью его, тогда она приноситъ кусочекъ теплаго мяса и кладетъ его мнѣ въ ротъ, а его съѣдаю. Отлежавшись, я пришелъ въ сознаніе и съ помощью другихъ и казака раздѣлся... Чуть не погибъ въ проклятыхъ тундрахъ!

Хуже всего это то, что, провскавъ чума напрасно въ темнотѣ, ячущешь въ полѣ, иногда чуть не у самаго чума. Много собакъ въ чумѣ, но ни одна изъ нихъ не залаетъ, будто нѣмыя! Это оригинальныя собаки, величиной въ обыкновенную сибирскую, со стоящими, но очень маленькими ушами, онѣ не лаютъ, ни на постороннихъ, ни на скрипъ и шумъ пробѣгающихъ нартъ и наконецъ на оленей, словно нѣмыя. Для какой надобности ихъ держать чукчи, совершенно не понимаю.

Чукчей на всей равнинѣ тундры, считается до 2 м. чел.

вѣкъ и, видимо, этотъ народъ вымираетъ. Дѣтей и замѣчалъ у нихъ очень мало, вѣроятно, способствуетъ этому полицанъ, которую они будто признаютъ все поголовно. Оттого чукчанья очень скоро старятся и большинство ихъ истощенныя и больныя.

Подъѣзжая къ Анюйской крѣпости со мной было тоже самое, что и миновавшій разъ, я тоже чуть не заморозъ и не удивительно: я сильно ослабѣлъ отъ безснотныхъ трудностей дороги, взнервничался и плохо питался, хлѣба не было, только чай и мясо. Желудокъ отъ постоянного употребленія пищи съ оленьей шерстью, отъ которой никакъ не защитишься въ чукотскихъ пологихъ, почти совсѣмъ отказался работать, все это изнурило меня до невозможности. Возникла едвинувшій на передкѣ нарты, все время заглядывалъ мнѣ въ глаза и гналъ скорп оленей и мы вскорѣ прибыли въ крѣпость. И вѣ тутъ силенъ! Не забуду этого холоднаго дыханія изнутри, какъ бы изъ желудка.

Насъ встрѣтилъ сторожъ крѣпости Иванъ Никулинъ, старикъ лѣтъ 69, много услугъ когда-то оказавшій экспедици барона Майдоля съ чиновникомъ Антоновичемъ изъ Якутска. Его чукчи называютъ Элго Ванька.

Анюйская крѣпость — это нѣсколько кузнецкихъ амбаровъ и часовня Святителя Николая, Чудотворца, обнесеныя заглагообразнымъ бревенчатымъ изъ круглаго дѣса заборомъ и воротами, на верху которыхъ воодруженъ деревянный крестъ. Длинною этотъ заборъ 80 саж. и шириною 40. Съ одной стороны этой крѣпости протекаетъ рѣка Анюй, а съ трехъ сторонъ ее окружаетъ дѣсь. Дѣтомъ здѣсь, по словамъ Никулина, много бродить медвѣдей. По первому впечатлѣнiю, крѣпость эта не можетъ составить большой обороны въ настоящее время. Въ прошлые же вѣка, въ вѣка стрѣльбы изъ луковъ и рукопашнаго боя, могла, конечно, имѣть и большое значенiе въ дѣлѣ защиты.

Ранѣе здѣсь производилась большія торговли на обмѣнъ пушнина и оленьихъ кожъ (замша), но теперь ярмарка здѣсь упала. Чукчи перестали прѣзжать въ большомъ количествѣ какъ прежде, веля теперь торговлю съ американцами.

Здѣсь съ чукчей взимается Колымскимъ исправникомъ дань называемый ясакъ. Въ сущности это не было никогда ясакомъ,

а дружественный обменъ, или подарокъ между народами. Чукчи давали мѣха и пушнину, а исправникъ чай, табакъ и прочій товаръ, вѣроятно, не исключая и спирта. Теперь и ясакъ и торговля, увы, упали навсегда!

Чукчи, въ свою очередь, ведутъ торговлю на обменъ съ островными жителями, они ихъ называютъ киргаулями, (вѣроятно колюдами или камчадалами), по ихъ рассказамъ съ народомъ свирѣлымъ и воинственнымъ, котрыхъ чукчи боятся. Отъ нихъ достаютъ тюленьи и неричьи шкуры и китовый усъ.

На пятый день мы прѣехали въ Нижне-Колымскъ... Этимъ я закончу описаніе моего путешествія, такъ какъ объ этомъ краѣ и дорогѣ до Якутска писало много авторовъ и во всеобщемъ освѣщеніи. Дорога до Якутска вполне благоприятная, олени бойкіе, выносливые, рыбы много на всѣхъ станціяхъ. Словомъ, описаніе, по сравненію съ пройденнымъ путемъ, ничего интереснаго не представляетъ, кромѣ отдаленности отъ Якутска и крайне скудной транспортировки товаровъ и казеннаго хлѣба и соли, по весьма высокимъ провознымъ цѣнамъ, такъ что ржаной хлѣбъ въ частной продажѣ доходитъ до 28 руб. пудъ, кирпичный чай до 4 р., сахаръ 1 рубль фунтъ, плохой ситецъ до 50 коп. аршинъ. Цѣны, какъ видитъ читатель, солидныя.

Въ общемъ, въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ и 18 дней я проѣхалъ изъ Якутска путь разстояніемъ до 10,000 верстъ. На обратномъ пути, конечно, мнѣ пришлось отдыхать какъ въ Средне-Колымскѣ, такъ и въ Верхоянскѣ, иначе бы проѣздъ сказаннаго разстоянія сократился чуть ли не до одного мѣсяца. Еще въ 1896 году въ журналѣ „Русское Богатство“ въ статьѣ „За сѣвернымъ полярнымъ кругомъ“ А. Геденова (А. Цейтлинга) авторъ приходитъ въ изумленіе о быстротѣ моего проѣзда этого разстоянія и выносливости... Слѣдная была командировка.

Я увѣренъ, что и въ настоящее время, черезъ четверть столѣтія, ничего не измѣнилось въ прежнемъ бытѣ населенія Приморской области, какъ и въ Якутской, слишкомъ мало подвигнувшейся съ тѣхъ поръ и потому смѣло могу сказать: спятъ красавицы-царевны въ ожиданіи жениховъ пока непробуднымъ сномъ, какъ на сѣверо-востоку Приморской, такъ и въ Якутской областяхъ.

Конецъ.

